

© Л. Л. Фиалкова

ВЗГЛЯД ИЗДАЛЕКА

Приглашение принять участие в обсуждении книги Н.П. Космарской «"Дети империи" в постсоветской Центральной Азии» было для меня лестным, но неожиданным. Лестным, потому что книга мне очень понравилась, а неожиданным, потому что и по месту жительства, и по профессиональному опыту я отношусь не к "ближнему зарубежью", рассмотренному автором, а к "зарубежью дальнему". Соответственно, я не могу рассуждать о миграционных планах или о стратегиях интеграции русскоязычных в том или ином новом независимом государстве (мои краткосрочные приезды в Украину²⁴ для этого недостаточны) или на постсоветском пространстве в целом. Поэтому мое участие в дискуссии поневоле ограничено затронутыми в обсуждаемой монографии общетеоретическими проблемами, решением которых приходилось заниматься и мне.

Первая из этих проблем связана с позицией исследователя, включенного или не включенного в изучаемую группу. Кто способен наиболее объективно оценить самоидентификацию и поведенческие стратегии русскоязычных граждан Киргизии: российский ученый (например, сама Н.П. Космарская); западный специалист, которого распад империи на личном уровне никак не затронул (скажем, П. Колсто); кто-то из тех, кого автор пригласил(а) бы в группу экспертов, будь он (она) представителем русскоязычного меньшинства или титульной элиты? Аналогом этой проблемы был для меня и моего соавтора М. Еленевской вопрос о том, кто способен на беспристрастное изучение выходцев из бывшего СССР в Израиле: израильский ученый (еврей, араб, сионист, постсионист), российский или американский коллега или такой же иммигрант, как и мы. Как это ни грустно, приходится признать, что абсолютной объективности быть не может в принципе.

Каждый из названных (и не названных) вариантов имеет свои ограничения, определяемые политической ориентацией ученого, особенностями научной школы, в рамках которой специалист сформировался, его (ее) культурным и языковым фоном, влияющим на проведение полевой работы и на интерпретацию ответов и, наконец, личным жизненным опытом. И даже создание гипотетически объективного исследователя в виде робота эту проблему бы не решило.

Во-первых, результаты зависели бы от того, какую в него заложат программу, а во-вторых, от отношения к нему потенциальных информантов (кто захочет делиться с роботом сокровенными мыслями?). Впрочем, количественные исследования с их стандартизированными вопросами, а нередко и услужливо подготовленными вариантами ответов, вопреки стройным выкладкам, тоже не обладают патентом на однозначную достоверность. Информанты улавливают подсказки, а их колебания искусственно спрямляются. С моей точки зрения, единственным способом смягчения проблемы является постоянное сравнение результатов, полученных специалистами, относящимися к разным группам и полученных разными методами. Именно такой подход характерен для монографии Н.П. Космарской. В западном научном мире от специалистов по общественным наукам требуют четко обозначить свою групповую принадлежность и идеологические установки с целью облегчить читателю определение "кривизны". Не знаю, имеет ли это смысл: профессиональный читатель вполне способен разобраться самостоятельно.

Лариса Львовна Фиалкова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник кафедры ивритской литературы и сравнительного литературоведения Хайфского университета (Израиль); lara@research.haifa.ac.il

Вторая проблема, на которой мне хотелось бы остановиться, касается критерия определения изучаемой группы. Из двух вариантов – этнического (русские) и культурно-лингвистического (русскоязычные), автор книги предпочла второй, поставив во главу угла не примордиальное, а социальное начало в самоидентификации личности. Аналогичным образом решили эту проблему и мы, включив в изучаемую группу не только евреев, но и членов их семей, независимо от этнической принадлежности и конфессии. Значит ли это, что примордиальное начало вообще лишено какого-то бы ни было смысла? Разумеется, нет. Но дело здесь, с моей точки зрения, не в его прямой связи с мировоззрением человека, как это нередко пытаются представить, а с его косвенным воздействием на социализацию личности.

В самом деле, если в человеке с детства по внешним признакам (цвет кожи, форма носа, форма лица) угадывают чужака, то в ответ обязательно формируются те или иные механизмы защиты. Назову лишь некоторые, порой взаимоисключающие: повышенная ориентация на успех и, как следствие, готовность к продвижению ценой сверхусилий; склонность к поиску обходных путей; апатия; ориентация на агрессивные маргинальные группировки. Выбор стратегии в значительной степени зависит от оценки собственной конкурентоспособности, от субъективного представления о реальности-нереальности продвижения при сложившихся социальных условиях и от ориентации на ту или иную стратегию, представленную в близком окружении индивида. Значительную роль в формировании стратегий имеют циркулирующие в группе личные рассказы и наблюдение за популярными практиками. Отсюда особая важность работы на микроуровне, позволяющей проследить "вызревание" и функционирование разных сценариев.

В ситуации постсоветских стран отличие русских от других русскоязычных состоит в том, что они впервые почувствовали себя меньшинством (все остальные меньшинствами как были, так и остались, хотя их иерархическое положение претерпело те или иные изменения). В израильской ситуации, по крайней мере, на уровне риторики, евреи и "удачные половинки и четвертинки" (по материнской линии) на основании все того же примордиалистского подхода рассматриваются в качестве желательных репатриантов, а их нееврейские супруги и "неправильные" дети (евреи по отцовской линии) – как нагрузка и угроза еврейскому характеру страны. Евреи, таким образом, стали русскоязычным меньшинством в еврейском большинстве, а все остальные – меньшинством в квадрате. Разумеется, этот фактор влияет на вторичную социализацию иммигрантов. Вместе с тем, как и в случае с русскоязычным населением "ближнего зарубежья", всем иммигрантам, евреям и неевреям, приходится нести общее бремя адаптации в иноязычной среде в условиях безработицы, а вдобавок и вне поддерживающей социальной среды (как бы ее ни называли: блат, знакомства, клан, род и т.д.). И было бы неверно видеть в этничности залог успеха или поражения, гарантию любви или ненависти к Израилю или к России. Конкретные судьбы свидетельствуют о другом.

Чрезвычайно важным представляется мне поставленный Н.П. Космарской вопрос о том, какие возможности открываются перед русскоязычными для адаптации и выработки некой локальной идентичности, которая устроила бы и их, и титульные элиты (например, киргизстанцы). Формула "советский народ", как и формула "американцы" или "канадцы", такую возможность теоретически допускала. К сожалению, на практике реализовать ее не удалось. В израильской ситуации, помимо предлагаемого истеблишментом и мало популярного гиюра, перед неевреями открыт еще один путь адаптации – включение в неарабское большинство, что, разумеется, стимулирует развитие ксенофобии. И в прессе, и в Интернете, и в личных беседах мне приходилось встречаться с призывами этнических русских (украинцев, и т.д.) очистить "нашу еврейскую землю от арабской нечисти". Способность или неспособность национального (национализирующегося) государства выработать приемлемую для всех групп населе-

ния формулу общегражданского характера является одним из важнейших показателей его зрелости.

И, наконец, проблема диаспор. Я согласна с Н.П. Космарской, что неверно автоматически зачислять в диаспоры всех, кто проживает вне территории своего национального государства, особенно когда речь идет о втором-третьем поколениях, прочно вписанных в жизнь принимающего общества. Аналогично, я критически отношусь к утверждению, что вернувшиеся на родину и тем более "на историческую родину" всегда интегрированы лучше, чем в стране исхода или лучше, чем "обычные" иммигранты.

Надежды на этническую доминанту как залог интеграции репатриантов на практике не оправдываются, что подтверждается не только российским опытом приема мигрантов из ближнего зарубежья, но и ситуацией с русскоязычными евреями в Израиле, русскоязычными финнами в Финляндии, русскоязычными немцами в Германии, понтийскими, мариупольскими и американскими греками в Греции. Не укладывается в эту схему и опыт массовых миграций хорватов из Сербии в Хорватию и сербов из Хорватии в Сербию.

В тех случаях, когда "на историческую родину" приезжают люди, с ней личным опытом не связанные, правильнее, на мой взгляд, использовать термин "этнически привилегированные мигранты", а не репатрианты (см., напр.: *Сапо Zmegac* 2005). Если этим людям и легче, чем обычным иммигрантам, то лишь в том плане, что в некоторых странах они получают льготы и привилегии, которых другие лишены (например, немедленное получение гражданства, признание дипломов об образовании, исключительное для данной категории, финансовую помощь и т. д.).

Важно и то, что люди, прибывшие в свое национальное государство, могут испытывать острую ностальгию по стране исхода, образовывать землячества, пытаться сохранять, казалось бы, уже не нужный язык и поддерживать тесные личные и деловые связи с теми, кто остался в стране, которую они, независимо от этнического происхождения, считают Родиной. Мои наблюдения (и самонаблюдения) полностью подтверждают вывод Н.П. Космарской о возможности множественной самоидентификации индивидов, не ограниченной тем или иным формальным признаком. В разные периоды жизни и под влиянием разных факторов акцент может делаться на тех или иных из них, что не исключает переноса акцента в будущем.

Коренная киевлянка, я никогда не считала себя частью израильской диаспоры, хотя, безусловно, относилась к узнаваемому еврейскому меньшинству, от которого не отрекалась. Эмиграция в Израиль была связана, преимущественно, с чернобыльскими страхами, хотя способствовали этому и сложности с профессиональным трудоустройством, причина которых виделась мне связанной с "пятым пунктом". Впрочем, нигде, кроме родного Киева, я работу и не искала. Замечу попутно, что и в Израиле, и в Америке работу ищут повсюду. В 1991 г. вопрос о сознательном выборе страны передо мной, как и перед большинством наших информантов, уже не стоял, поскольку квота в Америку для выходцев из СССР была резко сокращена. В Израиле я сразу стала "русской" и по самоощущению, и по профессиональным интересам, и даже по "внешним данным", а постоянная работа на двух иностранных языках (иврите и английском) вдруг актуализировала периферийный ранее украинский. Написав вместе с коллегой книгу "Русская улица в еврейской стране" (*Еленевская, Фиалкова* 2005), я уже сама написала другую, на украинском, которую можно было бы метафорически назвать "украинским переулком в еврейской стране". Я не уверена, что создала бы нечто подобное, оставшись в Киеве, поскольку, вероятно, боролась бы за право писать по-русски и была бы озабочена сохранностью русской культуры.

Возвращаясь к проблемам меньшинств, диаспор и миграций, подчеркну, что всецело поддерживаю высказанную Н.П. Космарской мысль о том, что не этничность как таковая, а наличие или отсутствие ресурсов, материальных и социальных, определяют

успех или провал интеграционных стратегий. Замечательно вернуться домой, если этот дом у тебя есть. Прекрасно пойти на работу, позволяющую реализовать свои способности, жить и растить детей. Хорошо оказаться в кругу близких, если они тебя ждут. Иначе радость возвращения на родину (реальную или "историческую") может обернуться трагедией. Любая миграция травматична, особенно, когда речь идет о больших группах людей, а не об особо активных одиночках или молодых семьях, знающих языки, обладающих требуемыми в принимающем обществе профессиями, высокой психологической адаптивностью и физической выносливостью. Мигрант всегда относится к меньшинству. Поэтому нередко человек просто меняет включенность в одно меньшинство в стране исхода на включенность в другое, уже в принимающем обществе. И прежде, чем это делать, лучше не слушать политтехнологов, а просто трезво оценить ресурсы, имеющиеся в одном и в другом случае.

И в заключение вернусь к киргизстанской теме в несколько неожиданном ракурсе. В 2000 г. по приглашению супруги президента Израиля и в связи с изданием на иврите краткого прозаического пересказа "Манаса" (рука не поднимается написать – "перевода"), в Иерусалим с визитом прибыла первая леди Киргизии М. Акаева. Она привезла в подарок израильтянам прекрасную библиотеку по этому замечательному эпосу. Мне довелось выступить на приеме в ее честь в Президентском дворце с рассказом о "Манасе". Среди гостей было много русскоязычных киргизов – граждан Израиля, с несколькими из которых я познакомилась лично. Чьей диаспорой являются они? Диаспорой Киргизии? Одна из присутствовавших на приеме дам, кстати, работающая бактериологом, впоследствии рассказала мне о причинах эмиграции всей семьи. Ее сын, вполне "проходящий" по расовым признакам представитель титульной национальности, был избит в Бишкеке, поскольку не смог поддержать разговора на киргизском. Диаспорой России? Другая дама, некоторое время чрезвычайно успешно работавшая в Хайфе, в период экономического спада вернулась с семьей в Москву, с которой была связана их с мужем студенческая юность. Прекрасные архитекторы, они быстро нашли хорошо оплачиваемую работу, сняли жилье в центре столицы и были приняты старыми друзьями. Недавно мы встретились во время ее краткосрочного приезда в Хайфу, где у семьи имеется купленная квартира. В течение краткого разговора она несколько раз повторила, что ей страшно в Москве. Во многие рестораны ее не пускают – там имеется *face control*, который ей с ее "лицом географической национальности" (термин В. Дятлова – 2000: 91) никогда не пройти. Но дело, конечно, не только и не столько в ресторанах: она боится стать жертвой хулиганства, как это уже случалось с армянами, азербайджанцами и таджиками.

Работая над книгой, мы с М. Еленевской трудов Н.П. Космарской еще не читали, как, впрочем, и она не знала того, о чем писали мы. Но независимо друг от друга мы исходили из одних и тех же методологических посылок и пришли к схожим выводам. Взаимовлияния здесь не было. Дело было в другом: "дети империи" – будь-то русские, киргизы, евреи, корейцы и многие другие, живут не только в ближнем, но и в дальнем зарубежье. И в судьбах их много общего, где бы они ни находились.